

Буди, с любовью

Муза, скажи мне о том многоопытном муже...*
«Одиссея», Гомер

* Перевод В.А. Жуковского (*здесь и далее прим. пер.*).

Часть первая

БОГ ЕСТЬ ТОРНАДО

Пролог

В самом начале, после того как сотворил Он небо и землю, свет и тьму, сушу и моря и все живое, что их населяет, после того как сотворил Он мужчину и женщину, и перед самым отдыхом Бог наделил нас последним даром. Чтобы не забывали мы о божественном источнике всей этой красоты, Он дал нам истории.

Я — сказитель. Я живу в доме под сенью платана на берегах реки Гилеад. Правнуки, когда приезжают в гости, зовут меня стариком.

— «Старик», какое клише, — притворно сержусь я. — Чудовищное упрощение. Оскорбление. Я родился вместе с солнцем и землей, луной и планетами и всеми звездами. Каждый атом моего тела свидетель начала времен.

— Ты врун, — в шутку ругаются они.

— Не врун. Сказитель, — напоминаю я.

— Тогда расскажи нам сказку, — просят они.

Меня не нужно уговаривать. Сказки — сладкий плод моего существования, и я с удовольствием делюсь ими.

События, которыми я собираюсь вами поделиться, начались на берегах Гилеада. Даже если вы выросли в центре страны, вы можете не знать о них. Случившееся летом 1932 года особо памятно для тех, кто это пережил, а нас осталось не так уж много.

Гилеад прелестная река, обрамленная тополями, которые уже были древними, когда я был мальчишкой.

Тогда все было по-другому. Не проще или лучше, просто по-другому. Мы путешествовали не так, как сейчас, и для

УИЛЬЯМ КЕНТ КРЮГЕР

большинства жителей округа Фремонт, что в штате Миннесота, мир ограничивался территорией, которую охватывал глаз до горизонта. Им было бы невдомек, как и мне тогдашнему, что если убить человека — изменишься навсегда. Если тот человек вернется к жизни — переродишься. Я видел это и другие чудеса собственными глазами. Поэтому среди прочих мудростей, которым научила меня жизнь за все эти годы, есть и такая: будь открыт для любых возможностей, потому что для сердца нет ничего невозможного.

История, которую я расскажу, произошла далеким летом. Она об убийстве и похищении и о детях, за которыми гонятся демоны с тысячей имен. В этой истории будут смелость и трусость. Будут любовь и предательство. И конечно же там будет надежда. Ведь в конце концов, разве все хорошие истории не про нее?

Глава первая

Имя крысе дал Альберт. Он назвал ее Фариа. Крыса была старой, серой в белую крапинку. Она почти всегда жалась к стенам крошечной камеры, когда семеняла в угол, куда я клал несколько крошек жесткого сухаря, из которого состоял мой ужин. Ночью я ее вообще не видел, но слышал тихое шуршание соломы, когда она двигалась от широкой щели между угловыми блоками по полу, хватала крошки и возвращалась тем же путем. Когда луна оказывалась напротив узкой щели, бывшей единственным окном, и ее свет падал на камни восточной стены, мне иногда удавалось уловить отблеск на худеньком тельце Фариа, его шкурка сверкала приглушенно серебристым цветом, а свисающий тонкий хвост казался добавленным не к месту во время сотворения.

В первый раз, когда меня посадили в место, которое Брикманы называли тихой комнатой, вместе со мной заперли и моего старшего брата Альберта. Ночь выдалась безлунной, в крохотной камере было темно, хоть глаз выколи, постелью нам служила тонкая соломенная подстилка на земляном полу. Дверь представляла собой огромный прямоугольник ржавого железа с прорезью для тарелки, на которой никогда не было ничего, кроме одного жесткого сухаря. Я перепугался до смерти. Позже Бенни Блэквел, сиу из Роузбада, рассказал нам, что когда-то Линкольнская школа для индейцев была военным форпостом и называлась форт Сибли, а тихая комната служила карцером. В те дни в ней

держали воинов. Во времена, когда туда попали мы с Альбертом, там держали только детей.

Тогда я ничего не знал о крысах, кроме сказки про Гамельнского крысолова*, который избавил город от грызунов. Я думал, что это грязные животные, которые едят все подряд и, может, даже съедят нас. Альберт, который был на четыре года старше и намного умнее, сказал, что люди больше всего боятся того, чего не понимают, и если тебя что-то напугало, надо узнать это поближе. Это не значит, что оно перестанет быть страшным, но с известным страхом справиться легче, чем с тем, который ты навоображал. И вот Альберт дал крысе имя, потому что имя делало ее не просто крысой. Когда я спросил, почему Фариа, он сказал, что это из книги «Граф Монте-Кристо». Альберт любил читать. Мне же нравилось сочинять собственные истории. Когда меня сажали в тихую комнату, я кормил Фарию крошками и придумывал сказки про него. Я прочитал о крысах в потрепанной «Британской энциклопедии» со школьной библиотечной полки и обнаружил, что они умные и социальные. За множество ночей, проведенных в изоляции тихой комнаты, я стал считать маленького зверька другом. Фариа. Крыса исключительная. Спутник неудачников. Товарищ по заключению в мрачной тюрьме Брикманов.

В ту первую ночь нас с Альбертом наказали за возражения миссис Тельме Брикман, директорисе школы. Альберту было двенадцать, а мне восемь. Мы оба были новичками в Линкольнской школе. После ужина — водянистого безвкусного рагу, в котором плавало всего несколько кусочков моркови и картошки, что-то зеленое и склизкое и малость свиных хрящиков, — миссис Брикман села во главе большой столовой и рассказала всем детям сказку. Большинство ужинов заканчивалось одной из сказок миссис Брикман. Обычно в них содержался некий моральный урок, который

* Гамельнский крысолов — герой средневековой немецкой легенды. Согласно ей музыканта обманул магистр города Гамельна: он отказался вознаградить музыканта за избавление города от крыс. С помощью колдовства крысолов увёл за собой городских детей, которых больше никто никогда не видел.

ЭТА ЛАСКОВАЯ ЗЕМЛЯ

она считала важным. После она спрашивала, есть ли вопросы. Позже я понял, что это было тщеславие, создание видимости, будто с ней возможен диалог, разговор между разумным взрослым и разумным ребенком. Тем вечером она рассказывала сказку про состязания черепахи и зайца. Когда она спросила, есть ли вопросы, я поднял руку. Она улыбнулась и обратилась ко мне:

— Да, Оди?

Она знала мое имя. Я был в восторге. Среди моря детей, которых было так много, что я не надеялся когда-нибудь запомнить имена всех, она помнила мое. Я еще подумал: это потому, что мы новенькие, или потому, что мы самые светлокожие в просторном помещении, полном индейских детишек.

— Миссис Брикман, вы сказали, что смысл истории в том, что быть ленивым плохо.

— Это так, Оди.

— Я думал, что смысл в том, что выигрывает медленный и упорный.

— Не вижу разницы.

Ее голос звучал строго, но не резко, до поры до времени.

— Миссис Брикман, папа читал мне эту историю. Это одна из басен Эзопа. И он сказал...

— Он сказал? — Теперь что-то в ее манере говорить изменилось. Как будто она пыталась выкашлять застрявшую в горле рыбную кость. — Он сказал?

Миссис Брикман сидела на высоком табурете, чтобы ее было видно всем в столовой. Она слезла с табурета и пошла между длинными столами — девочки с одной стороны, мальчики с другой — к тому месту, где сидели мы с Альбертом. В абсолютной тишине огромного помещения я слышал скрип, скрип ее резиновых подошв по старым половицам. Мальчик рядом со мной, имени которого я еще не знал, отодвинулся, словно стремясь оказаться подальше от места, куда вот-вот ударит молния. Я бросил взгляд на Альберта, и он покачал головой, показывая, чтобы я молчал.

Миссис Брикман встала надо мной.

— Он сказал?

УИЛЬЯМ КЕНТ КРЮГЕР

— Д-д-да, мэм, — ответил я, заикаясь, но не менее по-чтительно.

— И где он?

— В-в-вы знаете, миссис Брикман.

— Мертва, вот где. Его больше нет, чтобы читать тебе истории. Теперь ты слушаешь мои истории. И они значат то, что я говорю. Понятно?

— Я... я...

— Да или нет?

Она наклонилась ко мне. Она была стройной, с нежным овальным личиком жемчужного цвета. Ее глаза были зелеными и острыми, как молодые шипы на розовом кусте. Длинные черные волосы она носила распущенными и расчесывала, пока они не становились мягкими, как кошачья шерстка. От нее пахло тальком и — еле уловимо — виски, эти ароматы с годами станут мне хорошо знакомы.

— Да, — сказал я как никогда тихо.

— Он не хотел проявлять неуважение, мэм, — вмешался Альберт.

— Я с тобой разговариваю?

Зеленые шипы ее глаз воткнулись в моего брата.

— Нет, мэм.

Она выпрямилась и обвела столовую взглядом.

— Еще вопросы?

Я думал — надеялся, молился — что на этом все и закончится. Но в тот вечер мистер Брикман пришел в спальню и вызвал нас с Альбертом. Мужчина был высоким, худощавым и красивым, по мнению многих женщин в школе, но я видел только его огромные черные зрачки. Он напоминал мне змею с ногами.

— Мальчики, сегодня вы спите в другом месте, — сказал он. — Идите за мной.

В ту первую ночь в тихой комнате я почти не сомкнул глаз. Стоял апрель, и гулявший по пустошам Дакоты ветер еще был холодным. Со смерти папы не прошло и недели. Наша мама умерла за два года до этого. В Миннесоте у нас не осталось ни родни, ни друзей — никого, кто знал бы или волновался о нас. Мы были единственными белыми мальчи-

ЭТА ЛАСКОВАЯ ЗЕМЛЯ

ками в школе для индейцев. Что может быть хуже? Но потом я услышал крысу и остаток долгой темной ночи до рассвета жался к Альберту и железной двери, подняв колени к подбородку, не скрывая слез, которые видел только Альберт и до которых все равно никому, кроме него, не было дела.

Между первой ночью и той, что я только что провел в тихой комнате, прошло четыре года. Я подросток, изменился. Прежний испуганный Оди О'Бэньон давно умер, как мама с папой. Нынешний Оди имел склонность к бунту.

Услышав, что в замке повернулся ключ, я сел на соломенной подстилке. Железная дверь распахнулась, и внутрь ворвалось утреннее солнце, на мгновение ослепив меня.

— Наказание истекло, Оди.

Еще не видя лица, я с легкостью узнал голос. Герман Вольц, старый немец, который заведовал столярной мастерской и был младшим воспитателем у мальчиков. Мужчина стоял в дверном проеме, на мгновение загородив слепящее солнце. Он смотрел на меня сверху вниз сквозь толстые очки с мягким и сожалеющим выражением на бледном лице.

— Она хочет тебя видеть, — сказал он. — Я должен привести тебя.

Вольц говорил с немецким акцентом, поэтому его «ч» и «ж» звучало как «ш», а «в» как «ф». Получалось: «Она хочет тебя вить. Я толшен привести тебя».

Я встал, сложил тонкое одеяло и повесил его на приделанный к стене прут, чтобы им мог воспользоваться следующий ребенок, который займет эту комнату, зная, что скорее всего это снова буду я.

Вольц закрыл за нами дверь.

— Хорошо спал? Как твоя спина?

Часто заключению в тихой комнате предшествовала порка, и прошлый вечер не стал исключением. Спина болела от рубцов, но говорить о них не было смысла.

— Мне снилась мама, — сказал я.

— Правда?

Тихая комната была последней в ряду комнат в длинном здании, которое когда-то служило гауптвахтой форта.